

очень светлое, пронизанное желанием жить и действовать, причем не только для себя лично: «На мой взгляд, богатство, – пишет студент-историк Азиз Т., – это когда у твоих родных все хорошо, когда никто из твоих близких не болеет, когда в стране спокойствие и мир, нет никаких национальных и религиозных войн, для высокого положения необходимы работа и уважение коллектива».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Шамфор. Максимумы и мысли. Характеры и анекдоты. – М: Наука, 1993.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ И ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ВОСТОКА

Бондаренко Ю., Жиентаева К.

Сама формулировка данной темы, на первый взгляд, может показаться странной и даже упрощенческой. Кому не известно, что экзистенциализм, так же как, к примеру, марксизм или фрейдизм, – это явление духовной культуры, четко очерченное определенными границами. Поэтому именовать экзистенциалистами в собственном смысле слова тех или иных мыслителей Востока точно так же наивно, как было бы наивно приравнивать шумеров или скифов к представителям тех или иных современных этносов.

Да и Восток – понятие расплывчатое, скорее образное, нежели строго научное, ибо оно охватывает и древность, и средневековье, и современность, да еще с обилием самых разнообразных культур и регионов, которые, подобно горному массиву, лишь на отдалении выглядят единым целым, а стоит приблизиться – и глазу откроется околдовывающее разнообразие скалистых вершин, склонов и ущелий. И это, не говоря уже о том, что в научно-учебной практике вроде бы чтимый Восток сплошь и рядом недооценивался, оказывался в тени. Достаточно привести два частных, но показательных штришка к этой грустной картине. Первый – великолепное двухтомное хрестоматийное издание «Мир философии», увидевшее свет в год распада СССР. Издание, выпущенное под редакцией именитых авторов, чей профессионализм не вызывает сомнений. Различные разделы философии снабжены здесь интереснейшими текстами мыслителей

Түйін

Мақалада А Байтұрсынов атындағы Қостанай мемлекеттік Университетінің ГЭФ-ін 2 курс студенттерінің «табыс пен абырой» деген түсініктерге көзқарасты анықтау - ғылыми мақаланың өзегі.

Conclusion

In this article the following actual problem is outlined: the way the concepts “success” and “respect” are understood by the second-year students of KSU.

самых разных времен и стран. Просто замечательно! Но, увы, среди имен тех, кто размышлял над проблемами онтологии, гносеологии, антропологии и т.д., ни одного восточного! Другой пример – одна из так называемых «Юнит» по философии Современного гуманитарного университета (М., 1999). Называется она «Начало и исторические типы философии». Но первая тема звучит так «Зарождение философии в Древней Греции».

Но как же тогда быть с Древним Востоком? Не парадоксально ли? На сегодняшний день считается аксиомой то, что цивилизации зарождались на Востоке, прежде всего, на берегах великих рек. Но неужели же, отталкиваясь лишь от здравого смысла, а не абстрактных схем, можно допустить, что люди, создававшие эти цивилизации, не размышляли, и порой горестно, над проблемами человека, жизни и смерти, времени, добра и зла и многим, многим иным – то есть над всем тем, что у нас принято относить к философской проблематике? Нет, конечно. И уже в советские годы можно было увидеть фундаментальные научные издания, посвященные китайской, индийской, мусульманской философии, философии народов советского Востока и т.д. В последние же годы круг таких работ расширяется и включает уже, к примеру, Древний Египет.

Итак, признание существования философии уже Древнего Востока и значимости философии Востока в целом принципиальных

вопросов сегодня не вызывает. Хотя, если исходить из учебных и популярных русскоязычных изданий, мы увидим, что в основном они сосредотачиваются на погружении студентов в мир нюансов именно западной философии. И это при том, что мультикультурализм становится, по сути, глобальным явлением! Но ведь в основе множественности культур лежит и множественность ценностей, взглядов на мир, выявить общность которых можно лишь учитывая и определенное их своеобразие. Игнорируя это, мы будем иметь то, что имеем, – брейвиков, с одной стороны, и британские погромы – с другой.

Но тут может возникнуть еще один вопрос: а при чем здесь экзистенциализм? Не будет ли здесь, как говорится, искусственного «притягивания за уши» совершенно разных феноменов духовно-интеллектуальной жизни?

Вопрос резонный, и в одной коротенькой статье невозможно дать на него развернутый и всеобъемлющий ответ. Вероятно, такая задача не по силам и одной, пусть даже очень солидной монографии. Поэтому здесь лишь постановка проблемы, ее абрис и попытка наметить часть из возможных путей исследования, естественно, попытка, опирающаяся на уже известные идеи и наработки, на которые в силу ограниченности объема статьи просто нет возможности сослаться.

Признавая все своеобразие различных культур, эпох и философских направлений, мы, тем не менее, хотели бы обратить внимание на многослойность философских изысканий. При таком подходе это реальное многообразие выглядит отнюдь не линейным. Что это означает? То, что философские размышления, в какие бы эпохи и в каких бы культурах они ни рождались, включали, как правило, целый комплекс проблем. И сами комплексы в целом, и их составляющие в разные эпохи, и в разных культурах и цивилизациях, да еще на различных стадиях их развития, совсем не обязательно должны были быть идентичными, скорее наоборот. Но вот определенные их составляющие, болевые точки, векторы изысканий, те или иные элементы философских систем и подсистем в определенных отношениях уместно рассматривать особо.

Так, когда речь идет о космологии, видении нашей планеты, ее заселенной людьми части, или по-гречески ойкумены, практически все рассуждения, догадки, концепции огра-

ничиваются горизонтами той или иной эпохи и поэтому далеки от собственно современных научных теорий. У древних мыслителей, как, например, у индусов или Гераклита, могут быть гениальные догадки, интересные направления поисков, оказывающиеся плацдармом для дальнейшего движения естественнонаучной мысли, но в целом их картины мира кардинально отличаются от современной, которая, наверное, тоже во многом покажется наивной уже нашим далеким потомкам. Даже там, где речь идет о мире как о вечном огне, мерами возгорающемся и мерами угасающем, множественности миров, мы видим своеобразные сосуды фраз, которые, вполне вероятно, наполняем собственным содержанием. Ведь никто сегодня с полной достоверностью не может сказать, какими виделись эти самые миры, скажем, Демокриту.

Но, когда речь заходит о непосредственно человеческой проблематике, картина принципиально меняется. Хотя и здесь истоки многих образов, аллитераций, аллегорий, коннотаций бесследно теряются в дали времен и пожарищах бесчисленных военных столкновений, в остатке сохраняется нечто такое, что, словно авиалайнер сквозь волны облаков, легко проходит сквозь века и страны. И это притом, что и обычаи, и системы ценностей, и сами взгляды на человека, его обязанности, равно, как и на общество, в котором человек живет, могут кардинально меняться.

Но начнем не с древности и не с Востока, а с азов экзистенциализма, с того, что стало своеобразным откровением для оглушенной мировыми бойнями западной цивилизации двадцатого века. Остановимся на нескольких выделяемых в нашей учебной литературе узловых элементах экзистенциализма как философии существования.

Первый момент подчеркивается самим названием. Экзистенциализм – это не учение о движении масс, отрешенном от собственной индивидуальности, постижении общих законов бытия и его познания. Нет, это – философия существования отдельного живого человека, волею времени заброшенного в историю. То есть в центре внимания здесь отдельное, а не общее или всеобщее.

Второе – это учение о путях постижения человеческого существования. Как пишет Г.В. Гриненко, согласно экзистенциализму «понять человеческое бытие невозможно рацио-

нальными методами и тем более методами естественных наук, оно постигается только интуитивно. Как и в философии жизни, человеческое бытие предстает перед взором исследователя в виде **потока переживаний**, в который включен и сам исследователь, а значит, он не только его созерцает, но и сам живет в нем». При анализе человеческого существования экзистенциалисты используют не аристотелевско-гегелевские категории, а такие понятия, как «страх», «отчаяние», «надежда», обозначающие состояния человека.

«Но в отличие от философии жизни экзистенциализм утверждает присутствие некой **трансцендентной сущности**, стоящей за этими переживаниями. «На нее-то и направлены эти переживания. Отсюда – их открытость, незамкнутость. «В религиозном экзистенциализме... эта трансцендентная сущность понимается как Бог, но Его невозможно рационально понять, проанализировать, описать. Он есть тайна, недоступная нам, тайна, на которую можно лишь «намекнуть» на языке поэзии и мифа».

Еще одна, подчеркиваемая экзистенциализмом особенность человека, – это трагическая конечность его существования, протекающего именно в личностно-историческом, а не абстрактно-космическом времени.

Важнейшее место в экзистенциализме занимает идея свободы, которая характеризуется не как туманный идеал, не как благо, а как факт собственно человеческого бытия: «человек обречен на свободу», и потому ему не за кого спрятаться – он сам ответственен за то, что делает, хотя мир, в котором оказывается любой из людей, сами люди не выбирают. Средством же прорыва из мира, в который волею времени оказывается заброшенным человек, становится религиозное, философское и художественное творчество [1, 534-537].

Четко осознавая, что «всякое сравнение хромает», все-таки попытаемся пойти не столько по пути упрощающих аналогий, сколько по пути магистральных направлений человеческой мысли, неотделимой от жизненного опыта индивидов и потоков человеческих переживаний. При этом мы отнюдь не утверждаем, что речь идет об идентичности феноменов, рожденных в разные эпохи и в разных регионах земного шара. Нет. Но, на наш взгляд, речь идет о том, без чего изучение истории человеческой культуры, по сути, теряет

смысл: о попытках высветить и попытаться осмыслить то, что объединяет самые разные культуры и эпохи при всех их различиях.

Итак, в центре внимания экзистенциализма – существование отдельного человека, заброшенного в историю. На Востоке же, казалось бы, индивидуализации отдельной личности нет места. Здесь на протяжении столетий отдельное подчинено целому. Но как и в каких контекстах? Стоит внимательнее взглянуть в проблему – и мы увидим, что самые разнообразные по форме философские и религиозно-философские течения Востока апеллируют именно к отдельному человеку, к его личному бытию, будь то мыслители Древнего Китая, Кореи, Японии, Индии, средневековые суфии в мире ислама. Собственно схемы могут быть различные, но само ощущение заброшенности в мир, индивидуализации, замкнутости на конкретном человеке передается совершенно недвусмысленно. Думается, что здесь перед исследователями огромное поле деятельности, особенно расширяющееся с учетом достижений и проблем современной психологии.

Второе же, бесспорно, было многократно и в самых различных вариациях предвосхищено Востоком, что мы явственно видим и в философии Дальнего Востока, и в суфийской мудрости. Более того, еще в XI веке знаменитый мусульманский философ – мистик Аль-Газали писал: «Механизм логического обоснования часто препятствует развитию способности к восприятию» [2, 117]. И добавлял: «Когда суфием руководит интуиция, он не в состоянии правдоподобно объяснить свои действия» [2, 118].

Немалые размышления может породить и чеканная формула Саади: «Как бы много ты ни изучал, ты не можешь познать, не действуя» [2, 183].

При желании здесь можно найти созвучие и с марксистским пониманием практики как источника и критерия истины, хотя вполне понятно, что в марксизме речь идет о так называемой общественно-исторической практике, а у Саади – о личном опыте. Причем, и это очень важно, согласно суфийской традиции, личный опыт – это и (а подчас, прежде всего) опыт лично пережитого, что очень четко прослеживается и в других восточных культурах, например, в дзэн-буддизме, где такое понимание сути этого учения образно представлено в

целом ряде притч и историй. Согласно одной из них, когда некий монах спросил у другого, передвигаясь по подвесному мосту над горной рекой: глубоки ли воды дзэн, тот схватил вопрошавшего и готов был бросить в воду: если хочешь узнать глубину – ныряй сам. То есть познать определенные вещи, состояние, скажем, голода, любви, холода, можно не из чьих-то уст, а лишь пережив их.

Непознаваемость же бесконечного Бога конечным человеческим разумом была азбукой для мыслителей Востока, многие из которых, как суфии, акцентировали внимание на способности человека лишь приблизиться к Богу сердцем. В этом отношении показательным оказывается восклицание жившего в XI веке персидского поэта Санои: «Эй, который не в силах познать себя, как ты можешь познать Бога?» [2, 128].

Что же касается трагичности самой переходящей мимолетности человеческого существования, то это ощущение особенно тонко передается именно в многотысячелетней культуре Востока. Сколько полных грустных размышлений строк мы встречаем, к примеру, в дальневосточной поэзии: о старости–болезни, от которой нет лекарства, о времени, превращающем юношей в старцев, о человеческой жизни, стремительно проносящейся в потоке лет:

Горы всегда одни и те же,
Река изменчива всегда.
Она струится неустанно,
И ей не обратиться вспять.
И человек реке подобен –
Уйдет и не вернется вновь [3, 431].

Это строки стихов старинного корейского поэта.

Поэтому уже другой корейский поэт восклицает: «Жизнь людей на сон похожа...» [3, 464]. Конечно, здесь перед нами не экзистенциализм во всей его системности и своеобразии, но основа тех переживаний, настроений, которые были так четко выделены в экзистенциализме, здесь уже есть, причем рождена она самой устойчивостью определенных ситуаций, человеческих состояний и переживаний.

Что же касается обреченности на свободу, то для европейской философии, тяготеющей на протяжении целых столетий Нового и Новейшего времени к детерминизму, это положение экзистенциалистов было по-своему революционным, призывавшим к нравственной ответственности и готовности оставаться человеком даже в самых бесчеловечных ситуациях, создаваемых, например, расползанием нацистского господства по Европе.

Восток здесь, конечно же, иной. Но уже он, как и европейская античность, многократно, раз за разом, подобно волнам могучего прилива, повторял, что свобода внутренняя – стержень жизни в этом мире, основа и сохранения самого себя и успешной внешней деятельности. Хотя сами социальные эталоны Востока далеко не однозначны. Но, думается, что проблема свободы, свободы внутренней и внешней, свободы и подчинения, следования долгу и т.д. – именно как проблема мультикультурного мира, а значит, и мира с далеко не плоской шкалой ценностей, еще ждет своих дальнейших исследований. И тут сопоставления, выявление особенностей, сходств, различий, неожиданных переkreщиваний путей самих поисков – важная часть исследовательской работы, имеющей сегодня неопределимое практическое значение, ибо, только нащупывая точки соприкосновения, взаимодействия различных культур и тем самым способствуя этому реальному взаимодействию, мы можем всерьез бороться за выживание человечества и наших собственных культур в очень непростом и взрывоопасном современном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Гриненко Г.В. История философии: Учебник. – 2-е изд. – М.: Юрайт–Издат, 2007.
- 2 Суфийская мудрость. – М.: Лотаць, 1998.

Tүйін

Мақала экзистенциализм мен шығыс философиясында көтерілетін мәселелердің салыстырмалы талдауына арналған.

Conclusion

The article is devoted to comparative analysis of the problems raised in existentialism and eastern philosophy.